

Стоило Се Ляню ощутить на себе взгляд юношей, на его лице мелькнула лёгкая улыбка, затем он повернулся к ним и спросил:

— Впервые приходится видеть настоящую проклятую кангу?

Значение проклятой канги вытекает из её названия — оковы, сформировавшиеся в результате проклятия.

Для небожителя, низвергнутого из Небесных чертогов, гнев Небес превращался в печать преступника, которая проявлялась на его теле в форме оков, запечатывающих божественные силы, и оставалась так навеки вечные. Словно татуировка на лице узника или тяжёлые кандалы на руках и ногах, она служила и наказанием, и предостережением, внушая ужас и стыд.

Се Лянь являлся дважды изгнанным посмешищем трёх миров, разумеется, на его теле красовалась та самая проклятая канга. Младшие небожители наверняка слышали об этом, но всё же ощущения от услышанного разительно отличались от увиденного своими глазами. Посему выражения их лиц в данный момент не стали для Се Ляня неожиданностью.

Он догадывался, что эта штука на его шее, возможно, заставляла юношей чувствовать себя неудобно и даже внушала страх. Ведь, как ни взгляни, а ничего хорошего проклятая канга из себя не представляла.

Се Лянь было собирался воспользоваться предложением найти подходящее одеяние и выйти наружу, чтобы прогуляться, когда Фу Яо, закатив глаза к потолку, преградил ему путь со словами:

— Если покажешься снаружи в таком виде, тебя примут за бродяжку или ещё какого негодяя.

Поэтому Нань Фэн нашёл где-то во внутренних помещениях храма одеяние религиозного служителя и бросил принцу, чтобы тот больше не производил впечатление нищего бездомного. Троица вновь устроилась на прежние места, однако после случая с девушкой атмосфера сделалась чуть более неловкой, поэтому Се Лянь вынул свиток из дворца Линвэнь и поинтересовался:

— Не желаете прочесть ещё раз?

Нань Фэн, взглянув на принца исподлобья, ответил:

— Уже прочёл. Уж кто нуждается в повторении, так это он.

Фу Яо незамедлительно среагировал:

— Что значит — я нуждаюсь в повторении? Сведения в свитке лишены подробностей, сбивчивые и неясные, а значит, и гроша ломаного не стоят, не то, чтобы мне их повторять.

Его слова о свитке заставили Се Ляня невольно посочувствовать тем младшим служащим из дворца Линвэнь, что пишут эти свитки каждодневно до тех пор, пока их лица не становятся бледными, как у мертвецов. До принца вновь донеслись слова Фу Яо:

— Ага, так на чём мы остановились? Почему в храмах Наньяна... так много последователей женского пола, да?

Ладно. Се Лянь вновь убрал свиток и помассировал пульсирующую точку на лбу между бровей, понимая, что сегодня уже никому не удастся ничего прочесть!

Если серьёзное дело никого не интересовало, в таком случае, пришло время выяснить, что же, в конце концов, не так с этим храмом Наньяна. Оказалось, что кроме Се Ляня, который несколько сотен лет собирал рухлядь в мире смертных, каждый небожитель современного пантеона был осведомлён о том, что в биографии Совершенного Владыки Наньяна, Фэн Синя, был период, когда его называли Совершенный Владыка Цзюйян, что означало «Огромный член». Главный участник этой истории питал поистине глубочайшую ненависть к этому прозвищу. Все остальные же выражали свое мнение по поводу произошедшего одной фразой: «Досадная ошибка»!

Поскольку изначально верное написание имени Цзюйян требовало использования другого иероглифа «цзюй». А замена произошла по причине следующего события.

Один государь, живший много лет назад, повелел выстроить монастырь, а в качестве доказательства искренних намерений решил собственноручно сделать надписи на всех наддверных досках в каждой зале каждого строения в чертогах монастыря. И будто бы нарочно, по какой-то неизвестной причине он допустил оплошность в написании «Зала Цзюйяна», и надпись вместо «Равный солнцу» превратилась в «Огромный член».

Тот случай столь сильно расстроил чиновников, ответственных за все вопросы, связанные со строительством монастыря, что едва не свёл каждого из них в могилу. Они никак не могли понять, намеренно ли государь внёс подобные изменения в написание, или же ошибся по невнимательности? В первом случае оставалось неясным, почему государь не издал указ, в котором заявил бы о своём намерении изменить написание. Во втором же случае вопрос ставился совершенно иначе: как вообще можно было допустить столь вульгарную ошибку? Тем не менее, чиновники не могли прямо сказать: «Ваше Величество, вы ошиблись», ведь тогда, могло статься, государь счёл бы это за насмешку над его невнимательностью, намёк на поверхностные знания, а то и вовсе подозрение в нечистых помыслах. Кроме того, надпись являлась каллиграфическим творением Его Величества, неужели придётся его выбросить в случае признания ошибки?

Из всех загадок Поднебесной сложнее всего разгадать замыслы совершенномудрого правителя. Чиновники, измучившись раздумьями, все-таки решили, что пускай лучше пострадает Совершенный Владыка Цзюйян, чем они нанесут оскорбление своему государю.

Нельзя не отметить, что выбор оказался верным. Стоило Его Величеству самому обнаружить, что «Равный солнцу» превратился в «Огромный член», он не стал ничего объяснять, лишь пригласил во дворец группу учёных мужей, которые перевернули все древние трактаты и записи в поисках доводов, обросших бесчисленными мелкими деталями, затем сами создали множество письменных трудов, безоговорочно доказывающих: «Равный солнцу» и есть неверное написание, а первоначально следовало записывать «Огромный член». В конце концов, уже на следующий день все храмы Цзюйяна сменили прежнее название на новое.

О внезапной перемене своего божественного титула Фэн Синь узнал лишь спустя более десятка лет. Он почти никогда не проявлял особого интереса к надписям над воротами своих храмов, просто в один из дней его крайне опечалил тот факт, что число прихожанок, возносящих ему молитвы, увеличилось в разы. Ко всему прочему, возжигая благовония, они заливались краской от смущения и просили о какой-то ерунде!

Выяснив, что же произошло на самом деле, Фэн Синь поднялся к облачным вершинам

небосвода и огласил озарённые солнцем бескрайние просторы грубой бранью, не жалея крепкого словца.

Чем потряс небожителей до глубины души.

Но даже самой яростной бранью ничего исправить уже было нельзя, пускай поклоняются, раз уж начали; во всяком случае, не мог же он запретить столь искренне возносящим молитвы женщинам приходить в его храмы. Пришлось Фэн Синю несколько лет с неохотой слушать их просьбы. До тех пор, пока одному излишне добропорядочному правителю название «Огромный член» не показалось исключительно непристойным, поэтому он исправил его на «Южное солнце» — Наньян. И всё же люди по-прежнему не забыли, о чём ещё можно было помолиться Наньяну, несмотря на его статус Бога Войны. При этом все стали придерживаться молчаливой договоренности: ни в коем случае не называть его тем самым прозвищем. А также повсеместно сложилось единое мнение о том, как следует характеризовать Совершенного Владыку Наньяна — «положительный».

Если не доводить его до белого каления, со всех сторон положительный!

Лицо Нань Фэна к концу повествования сделалось чернее днища старого котла, а вот Фу Яо, исполнившись поэтического настроения, продекламировал:

— Друг всех девушек и жён, сыновей дарует он. Огромный член, знаток страстей, Наньян дарует сыновей. А-ха-ха, а-ха-ха, а-ха-ха-ха-ха-ха...

Се Лянь деликатно сдержал улыбку, всё-таки перед лицом статуи Наньяна не следовало вести себя невежливо. Нань Фэн же буквально рассвирепел:

— Поменьше бы злорадствовал, пока находишься здесь. Если же некуда больше силы девать, походи-ка лучше подмети пол!

После этих слов пришёл черед лица Фу Яо потянуться в черноте с днищем котла. Ведь если, к примеру, подчиненные дворца Наньяна приходили в ярость, услышав те самые два слова, то во дворце Сюаньчжэня ни в коем случае нельзя упоминать подметание полов. Все потому, что Му Цин, будучи простым слугой в монастыре Хуанцзи, только и делал, что всячески прислуживал Его Высочеству наследному принцу Се Ляню, в том числе подметал пол в его комнате и застилал постель.

В один из дней Се Ляню попалось на глаза, как юноша наизусть декламирует рифмованные правила самосовершенствования, при этом подметая пол. Тронутый до глубины души его прилежными стараниями постичь мудрость даже в неблагоприятных условиях, принц отправился к наставникам, чтобы те проявили снисхождение и приняли паренька в ряды учеников монастыря. И случай тот, как говорится, мог бы кануть в лету, а мог бы запомниться в веках, мог стать как прекрасным преданием, так и величайшим позором, — зависит от того, как к нему отнестись. Очевидно, именно несмываемым позором и воспринял случившееся главный герой тех событий, поскольку впредь и Му Цин, и все его подчиненные, заслышав намёки на подметание пола, сердились до такой степени, что прерывали все отношения с оскорбившим их человеком. Так и теперь, Фу Яо, изо всех сил стараясь держать себя в руках, мельком глянул на Се Ляня, который лишь невинно замахал руками, затем с холодной усмешкой произнёс:

— Тебя послушать, так ты, верно, считаешь, что ваш дворец Наньяна в своё время сделал больше добра для Его Высочества наследного принца.

Нань Фэн с такой же холодной усмешкой парировал:

— Так ведь и ваш генерал отплатил ему чёрной неблагодарностью, о чём здесь ещё можно говорить?

— Э... — Се Лянь было собирался вмешаться в спор, однако Фу Яо его опередил.

Рассмеявшись, он произнёс:

— В том всё и дело, что ваш генерал в своём глазу бревна и не заметил, какое он имеет право указывать на чужие ошибки?

Слушая, как эти двое превратили его в палку, которой теперь дубасят высшего командира своего оппонента, Се Лянь в итоге не выдержал:

— Пойдите, погодите. Довольно, хватит!

Разумеется, юноши не послушали его, а ко всему прочему ещё и подрались. Неизвестно, кто начал драку первым, но вот уже и стол для подношений раскололся пополам, и с громким стуком разлетелись по полу жертвенные кушанья. Се Лянь, понимая, что разнять дерущихся не удастся, присел в углу неподалёку, со вздохом «Грешно!» поднял с пола подкатившуюся к ногам маньтоу¹, протер от пыли и приготовился ее съесть.

¹ Маньтоу — приготовленная на пару булочка из пресной муки.

Нань Фэн, заметив это краем глаза, в мгновение ока оказался рядом и ударил по руке Се Ляня, так что маньтоу снова упала на пол.

— Не вздумай есть!

Фу Яо тоже остановился, его голос звучал удивлённо и слегка презрительно:

— Ты ешь даже то, что извалялось в грязи?

Воспользовавшись затишьем, Се Лянь замахал руками и заговорил:

— Пойдите, пойдите, пойдите. Я хочу кое-что вам сказать.

Се Лянь разделил их, втиснувшись посередине, и мягко произнес:

— Первое. Его Высочество наследный принц, о котором вы говорите, — это я и есть. Моё Высочество не сказало ни слова, поэтому и вам не стоит в споре перебрасывать меня как булыжник, которым вы хотите ударить друг друга. — Помолчав, принц добавил: — Мне думается, что ваши генералы ни в коем случае не стали бы так себя вести и столь неприличное поведение с вашей стороны не делает им великой чести.

После этих слов лица юношей внезапно переменились. Се Лянь же продолжал:

— Второе. Вы ведь явились, чтобы помогать мне, верно? Так всё-таки, это вы должны меня слушать или мне придётся слушать вас?

Помолчав, юноши ответили:

— Мы должны слушать тебя.

Конечно, на лицах каждого было написано «Ещё чего! Размечтался», и всё же Се Ляню их ответ пришёлся по душе. Он хлопнул в ладоши, сложив руки вместе, и заключил:

— Прекрасно. И последнее, третье. И самое важное. Если уж вы хотите что-то выбросить, лучше вам в таком случае избавиться от меня, но бросать еду не стоит.

Нань Фэну всё же удалось выколупать из рук Се Ляня маньтоу, которую тот снова подобрал и лишь ждал удобного момента, чтобы съесть. Окончательно потеряв терпение, юноша воскликнул:

— Нельзя есть то, что извалялось в грязи!

Следующий день, давешняя «Лавка встреч».

Хозяин чайной по обыкновению сидел у порога, вытянув ноги и греясь на солнце, когда заметил вдали троицу путников. Впереди вышагивал монах в скромном белом одеянии с бамбуковой шляпой за спиной, а следом шли двое юношей высокого роста в чёрных одеждах.

Приблизившись, монах непринуждённо склонился в малом поклоне и ещё более непринуждённо заговорил, смахивая на бездельника куда больше, чем сам хозяин чайной:

— Уважаемый, будьте любезны, принесите нам три чашки чаю.

Хозяин с улыбкой отозвался:

— Сию минуту!

Про себя же подумал: «Снова явились эти простофили. Вот ведь несправедливость: выглядят один другого приличнее, но при том неизвестно, у кого больше мозги набекрень. Всё болтают о каких-то богах да бессмертных, демонах да небожителях. И на кой только природа внешностью одарила, раз они на голову больные?»

Се Лянь занял прежнее место у окна. Когда троица расселась, Нань Фэн заговорил первым:

— Зачем ты снова привёл нас сюда? Уверен, что наш разговор не достигнет лишних ушей?

Се Лянь спокойно ответил:

— Не волнуйся об этом. Даже если кто-то и услышит, то не придаст значения, решив, что у нас не всё в порядке с головой.

— ...

Се Лянь продолжал:

— Дабы избежать излишней траты времени, перейдём к делу. Надеюсь, за ночь вы успели остыть и придумали какое-то решение проблемы с духом новобрачного.

Взгляд Фу Яо сверкнул, сам же дух войны ответил равнодушным тоном:

— Убить!

Нань Фэн перебил его:

— Чушь собачья!

Се Лянь вмешался:

— Нань Фэн, не стоит вести себя столь грубо, Фу Яо совершенно прав, убийство преступника — способ решить проблему радикально. Но в таком случае возникает вопрос: где, кого и как убить. Осмелюсь предложить...

Но договорить ему не дал громкий шум, донесшийся снаружи, услышав который, все трое выглянули из окна.

То оказалась очередная мрачная и печальная процессия «проводов невесты». Сопровождающие трубили в трубы, били в барабаны и непрерывно выкрикивали свадебные поздравления столь старательно, словно больше всего на свете опасались, что кто-нибудь их не услышит.

Нань Фэн хмуро произнёс:

— Разве ты не сказал, что местные жители не решаются устраивать шумные празднества близ горы Юйцзюнь?

Процессия сплошь состояла из крепких и хмурых мужчин, выражения их лиц и все мышцы тела были напряжены до предела, а на лбу выступили капли холодного пота, словно им приходилось нести вовсе не свадебный паланкин, окружённый атмосферой счастья, а настоящий помост для отрубания головы, на котором их всех ждёт мучительная смерть. Интересно, что же за девушка сидит в паланкине?

Поразмыслив с минуту, Се Лянь уж было собрался выйти и рассмотреть процессию повнимательнее, когда налетел внезапный порыв ветра, приподнявший занавеску с боковой стороны паланкина.

Оказалось, что невеста за ней приняла неестественно скрюченную позу, голова её склонилась набок, а под сползшим свадебным покрывалом виднелись ярко накрашенные губы, растянутые в слишком уж широкой улыбке. Стоило носильщикам качнуть паланкин, и покрывало вовсе соскользнуло с головы девушки, выставляя на всеобщее обозрение пару широко раскрытых немигающих глаз, глядящих в сторону троицы.

С первого взгляда могло показаться, что у девушки сломана шея, сама же она беззвучно хохочет, уставившись на них.

Возможно оттого, что руки носильщиков сильно дрожали, разукрашенный паланкин был крайне неустойчив и голова невесты покачивалась в такт этой тряске. Вот так она качалась, качалась, пока не оторвалась от шеи и с громким стуком не покатила по улице.

А оставшееся сидеть в паланкине безголовое тело вскоре также опрокинулось со своего места и с грохотом вывалилось через дверцу.